

ПУШКИН И АЛЬБОМЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

В конце 1820-х годов лучшие русские поэты, уставшие от заказных стихов, нередко об альбомах отзывались с раздражением:

*Альбом, как жизнь, противоречий смесь,
Смесь доброго, худого, пустословья:
Здесь дружбы дань, тут светского условия,
Тут жар любви, тут умничанья спесь.
Изящное в нем наряду с ничтожным,
Ум с глупостью, иль истинное с ложным —
Идей и чувств пестреет маскарад...*

(П. А. Вяземский. Альбом)¹

*Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашают только спесь...*
(А. С. Пушкин. И. В. Сленину. III, 105)

¹ Вяземский П. А. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 146.

*Альбом, заметить не грешно,
Весьма походит на кладбище:
Он точно так же, как оно,
Всем отворенное жилище,
Он так же множеством имен
Самолюбиво испещрен.
Увы! Народ чистосердечный
Равно туда или сюда
Идет с надеждой жизни вечной,
С боязнью страшного суда...*

(Е. А. Баратынский. В альбом)²

Но и в 1830-е годы Пушкин продолжал писать для альбомов и нередко те же стихотворения потом отдавал в печать, а стало быть, считал их вполне достойными своего имени.

Альбомам еще предстояла долгая жизнь, но характер их стремительно менялся. В «Записках москвича» (1828) брат лицейского товарища Пушкина, П. Л. Яковлев, дал такую (полушутливую конечно) классификацию:

«Альбомы разделяются

1. На альбомы тщеславия,
2. На альбомы спекуляторов,
3. Альбомы артистов,
4. Альбомы литераторов,
5. Альбомы женщин,

² Баратынский Е. А.
Стихотворения. Поэмы.

6. Альбомы девиц,
7. Альбомы мужей,
8. Альбомы молодых людей,
9. Альбомы ученические»³.

В каждом из этих «видов» Пушкин оставил свой след, и первый из них — в маленькой записной книжке, заведенной князем А. Горчаковым⁴. В начале ее читаем: «Помни любящего тебя друга, помни того, который тебе желает во всех быть счастливым и который почитает и любит тебя нелюбимо, но искренно и чистосердечно. Есаков».

Этот бесхитростный текст далее варьируют на разные лады Михайла Яковлев, Модест Корф, Иван Пуштин, Николай Корсаков, Владимир Вольховский, Дмитрий Маслов, Константин Костенский, Антон Дельвиг, Александр Бакунин, Павел Мясоедов, Александр Корнилов, Сильвестр Броглио, Сергей Комовский, Иван Малиновский. Пять записей, впрочем, облечены здесь в стихотворную форму (Алексея Илличевского, Николая Ржевского, Павла Мясоедова, Александра Корнилова и Сергея Комовского) — приведем из них лишь одну:

*Желаю вам, сударь, я счастья сердечно,
И не забудете меня, уверен я, конечно.*

Сами по себе эти стихи вполне простодушны, но в них — особый смысл: вспомним, что автору, Ржевскому, было суждено умереть уже осенью 1817 г. «от гнилой нервической горячки...».

Две записи были сделаны по-немецки — Вильгельмом Кюхельбекером и Федором Стевенем. В русском переводе первая из них звучала так:

³ <Яковлев П.А.> Записки москвича. М., 1828. Ч. I. С. 122. Об альбомах пушкинской поры см.: Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.; Л., 1960. С. 8—26; Вацууро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840 годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 3—56. Пушкинские записи в альбомах собраны в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 627—670.

⁴ ПД 1688. Об альбоме Горчакова см.: Руденская М., Руденская С. «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986. С. 108—110.

«Небесная радость, о ты, о которой некогда возгласил немецкий бард:

*Все люди становятся братьями
Там, где взмахнет твое нежное крыло*

(Шиллер) —

сопутствуй в течение всей жизни тому, кому я это написал; облегчи ему все заботы, которые его постигнут, все страдания, которые могли бы лишить его покоя»⁵.

«Француз» Пушкин тоже изловчился, записав: «Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу, чтобы вам сие сказать», — это точный перевод одного из четверостиший стихотворения французского писателя Н. Прадона (1632–1698), посвященного им некоей мадемуазель Бернар⁶.

Заметим, что едва ли случайно в этом «альбоме тщеславия» не отметились Федор Матюшкин, Константин Данзас, Павел Гревениц, Сергей Ломоносов, Аркадий Мартынов, Петр Саврасов, Александр Тырков и Павел Юдин, хотя взамен их и подзатесался сюда гувернер Алексей Иконников. Между прочим, именно по его комплименту датируются все остальные: не позже 1812 г., ибо в этом году Иконников был уволен из Лицея за «пристрастие к вину».

Следовательно, пушкинский автограф, сохраненный лицейским альбомом, стал одним из самых ранних, дошедших до нас.

Жанр альбомного мадригала был предопределен традицией: он зывал к памяти дотопочтенного владельца, — как правило, с оттенком самоуничижения. Чем парадоксальней был выражен подобный комплимент, тем он считался изящнее. В женских альбомах, естественно, следовало к тому же воспевать прелести «прекрасной дамы», соревнуясь

⁵ Перевод с нем. Р.Ю. Данилевского.

⁶ См.: Рукою Пушкина. Изд. 2-е. М., 1997. С. 227.

в накале панегирика с соперниками, которые уже превознесли ее до небес. Поэтому в ходу был парадоксальный зачин.

*Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины... —*

так начал свою альбомную запись юный Пушкин, предвидя, как недоуменно вздернутся брови Екатерины Бакуниной, торопящейся понять причину неповиновения поэта, и как мило она улыбнется, прочтя последнюю строку:

...Затем, что никогда нельзя быть вас милей.
(II, 125)

На пороге окончания Лицея Пушкин оставил несколько записей в альбомах — Илличевского, Пуцуина, а также Алексея Зубова, корнета квартировавшего в Царском Селе лейб-гусарского полка:

*Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.*

(I, 415)

Более этикетной была запись в памятном альбоме директора Лицея, Е. А. Энгельгардта, толстенном, in folio, томе с алфавитным указателем⁷. Из «первого выпуска» лицеистов

⁷ ПД 1689.

здесь отметились Броглио, Бакунин, Вольховский, Горчаков, Гревениц, Есаков, Илличевский, Костенский, Корф, Маслов, Малиновский, Саврасов. И еще двое, первый из которых записал:

«Еду в Рим, почтенный и любезный Егор Антонович, — Бог знает, вернусь ли, Бог знает, увижу ли опять места, где провел много счастливых и приятных дней под вашим начальством. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои приписаны были каким-нибудь личным видам, что истинно отеческие попечения ваши и милости ко мне будут записаны по гроб в душевной книге моей — и это до последней минуты будет помнить

вам сердцем преданный

Н. Корсаков.

20-го ноября 1819».

Ему осталось жить менее года. Как здесь опять не вспомнить Баратынского: «Альбом <...> походит на кладбище...»

Пушкин же признался:

«Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годом жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных».

За этими словами — след весьма сложных взаимоотношений между директором и воспитанником...

Когда десять лет спустя в роли старшего Пушкину будет вручен ученический альбом Павла Вяземского, поэт посоветует:

*Душа моя Павел,
Держись моих правил:*

*Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.*

(III, 55)

Жанр альбомного мадригала не мог не раздражать Пушкина, и в дружеском альбоме он мог позволить себе поиздеваться над опостылевшими шаблонами. Характерное свидетельство на этот счет мы находим в воспоминаниях Анны Керн: «...Пушкин много шутил. Во время этих шуток ему попался под руку мой альбом — совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в «Онегине», и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский.

В альбоме было написано:

*Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait
Oh, mon aimable et douce amie
Comme toi sans doute il est fait —
etc. etc.*

Пушкин перевел:

*Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он.
Я скажу тебе резон:
Невозможно!*

Под какими-то плохими стихами было подписано: «*Écrit dans mon exil*»⁸. Пушкин приписал:

*«А tout, exil» —
Какая гиль!*

Дмитрий Николаевич Барков написал одни всем известные стихи не совсем правильно, и Пушкин вместо перевода написал следующее:

*Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести
И даже имени такого
Не смею громко произнести!»*⁹

Бывают странные сближенья... Через шесть лет (22 декабря 1834 г.) Пушкин отметит в своем дневнике: «Цензор Никитенко на обухте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

*Мой друг! Когда бы был ты Бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.*

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: кгда бы я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили» (XII, 335).

⁸ Написано в изгнании. — фр.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. СПб, 1998. С. 391–392.

По сути дела, в пушкинском переводе французских стихов, снабженном неожиданным «резонансом», — та же ситуация. И в ироническом обыгрывании фамилии бывшего соратника по «Зеленой лампе», впрямую уподобленного его однофамильцу, известному поэту-сквернослову XVIII века, столь же раздраженное сближение розовых альбомных признаний с откровенной порнографией. Важно отметить здесь закономерный в общем-то перевертыш: замену банального альбомного мадригала эпиграммой. Так эпитафия (надгробная памятная надпись) «легко» переходит в клеймение порока и порочных. Но ведь и эпиграмма зачастую представляла собою как бы мадригал, парадоксально вывернутый наизнанку.

Под статью упражнению поэта в альбоме Керн и некоторые другие его альбомные записи: например, шутка, адресованная 16 июня 1834 г. французскому артисту и чревовещателю (вентрологу) Александру Ваттемару. О происхождении ее сохранился рассказ шурина поэта, С. Н. Гончарова:

«Его кабинет был над моей комнатой, и в часы занятий или уединения Пушкина мне часто слышался его мерный или тревожный шаг. Но раз, к моему удивлению, наверху раздался звуки нестройных и крикливых голосов. Когда все собрались к обеду, я спросил у него, что происходило у него в кабинете.

— Жаль, что ты не пришел, — отвечал Пушкин. — У меня был вентролог.

Тут же он распространился о его выходках...

По окончании обеда он сел со мною к столу и, продолжая свой рассказ, открыл машинально Евангелие, лежащее перед ним, и напал на слова «что ты есть имя? Он же рече: легион, яко беси мнози внидоша в оны»¹⁰.

Этот стих из Евангелия (ответ бесноватого на вопрос Иисуса Христа), записанный Пушкиным по-французски, сохранился на листке из альбома Ваттемара.

¹⁰ См.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. Изд. 2-е. М., 1962. С. 290.

Для мужских альбомов повзрослевший Пушкин писал довольно редко, занося туда обычно или ранее созданные свои стихи, или вообще стихи другого поэта. Так, в альбом П. А. Яковлева он записывает стихотворение «Вечерний пир», в альбом Н. Д. Иванчина-Писарева — стихотворение «Муза», в альбом Ю. Н. Бартенева — «Сонет» («Не множеством картин бессмертных мастеров...»), в альбом болдинского соседа Д. А. Остафьева — последние стихи Державина («Река времен в своем теченьи...»). Исключениями здесь являются лишь ранее упомянутые стихи в альбоме книгопродавца Сленина и четверостишие в записной книжке Н. Д. Киселева, рожденное, судя по поправкам, экспромтом:

*«Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно.
Так слушай: поспевай Карлсбадския пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.*

14/26 июня 1828. Стрельна».

Не случайна неудача литератора П. П. Свинына, который тщетно вручал в марте 1828 г. свой альбом Пушкину (и жившему также в то время в Демутовом трактире А. С. Грибоедову). Альбом этот не сохранился, но до нас дошла адресованная Грибоедову стихотворная записка Свинына:

*Для двух твоих и Пушкина бесценных строк
Готов два года дожидаться.
Но, видишь, одному поэту вышел срок
И завтра в армию пришлось отправляться.*

*А мне хотелось бы его завербовать,
Вот почему прошу альбом мой мне прислать*¹¹.

«Бесценных строк», посвященных Свиньину, так и не появилось, иначе он непременно ими бы гласно похвастался.

Впрочем, в творчестве Пушкина известны еще два мужских альбома, — правда, совсем иного рода. Это «Альбом Онегина», «дневник мечтаний и проказ», который Пушкин намеревался включить в седьмую главу романа в стихах, а также один из «источников» «Истории села Горюхина», т.е. записи на страницах старинных календарей, обозначенные в произведении как «Летопись»: «Она отличается ясностью и краткостью слога, например: 4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 — корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит по погоде. 11 — погода ясная. Пороша. Затравил 3 зайцев, и тому подобное, без всяких размышлений... Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частью так называемым лавочничьим с титлами и без титлов, вообще плодovито, несвязно и без соблюдения правописания».

Пушкин здесь верно обозначил один из источников семейного альбома, возникшего из попутных помет на страницах адрес-календарей. Не случайно и дамский альбом впоследствии Вяземский определит как «сердечный адрес-календарь».

И от них Пушкин изредка отделялся так же, как и от мужских. Небрежные его записи сохранились в альбомах Анны Вульф (первое четверостишие «Романса» А. А. Дельвига «Не говори: любовь пройдет...» и отрывок из XLVI строфы шестой главы «Евгения Онегина» с добавлением стиха из Кольриджа), А. Е. Шиповой («Муза»), П. А. Бартеневой (отрывок с три строки из уже написанного «Каменного гостя»), Е. А. Ладыженской (первое четверо-

¹¹ См.: Звезда. 1941. № 5.
С. 166.

стишие стихотворения «Если жизнь тебя обманет...»). Последние две записи были вариациями оригинальных альбомных приношений Пушкина, созданных ранее.

Как правило, однако, Пушкин серьезно работал над альбомными посвящениями, предназначенными для прекрасного пола. От обычных альбомных мадригалов они отличались психологической точностью воспроизведенного характера, глубокой искренностью чувства и, конечно же, филигранной обработкой. Таковы посвящения кн. М. А. Голицыной («Давно об ней вспоминанье...»), П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»), Евпраксии Вульф («Если жизнь тебя обманет...»), К. А. Собаньской («Что в имени тебе моем...»), кн. А. Д. Абамелек («Когда-то, помню с умилением...»), гр. Е. М. Завадовской («Все в ней гармония, все диво...»), «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной».

Далеко не все альбомы эти сохранились, но можно уверенно утверждать, что утрат для нас из пушкинских альбомных шедевров не произошло: большинство из них известны в черновиках или же в авторских публикациях. Пропали, например, альбомы А. А. Олениной, но о них вспомнила ее внучка О. Н. Оом: «Анна Алексеевна тщательно берегла альбомы с автографами и рисунками Пушкина (все больше ножки гирляндюю вокруг стихотворений 1828 года) <...> Под некоторыми стихотворениями Пушкина Анной Алексеевной были сделаны пометки. Так, под «Ты и Вы» было написано: «А. А. ошиблась, говоря Пушкину «ты», и на следующее воскресенье он привез эти стихи». На стихотворении «Ее глаза», написанном в 1828 году в ответ на «Черные очи» кн. П. А. Вяземского, ею отмечено, что второй стих в оригинале «Твоя Россети егоза» впоследствии смягчен и заменен словами: «Придворных витязей гроза».

Зная, как я интересовалась ее прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 году вписал стихи «Я вас любил, любовь еще, быть

может...» Под текстом этого стихотворения он в 1833 г. сделал приписку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833»¹².

Трудно подчас провести грань между пушкинскими альбомными стихами и собственно посланиями, сохраняющими ритм живой беседы поэта с адресатом. Так, альбом, подаренный Пушкиным А. О. Смирновой, отличавшейся острым языком, поэт озаглавил как «Исторические записки А. О. С***» и здесь же записал:

*В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный,
И правды пламень благородный,
И как дитя была добра,
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.*

18 марта 1832. (III, 285)

Нередко альбомное подношение окрашивалось пушкинской шуткой. Записывая в альбом С. Н. Карамзиной стихотворение «В степи мирской, печальной и безбрежной...», Пушкин прерывает его текст на середине последней строки и делает французскую приписку (даем ее в русском переводе): Он слаще всех...

закончите стих как заблагорассудится + —

¹² Дневник Annette. М., 1994. С. 51–52.

Возможно, лишь по настоянию владелицы альбома поэт потом приписывает:

+ le voilà

Он слаще всех жар сердца утолит.

(III, 57, 592)

В концовку же альбомного мадригала, поднесенного Ел. Н. Ушаковой, вторгаются «нарушающие жанр» простонародное словцо и бытовая примета:

Авось на память поневоле

Придет вам тот, кто вас певал,

В те дни, как пресненское поле

Еще забор не заграждал.

(III, 149)

Впрочем, шутка могла звучать и грустно. 16 мая 1827 г. Пушкин перед отъездом из Москвы в Петербург, в ожидании предстоящих там мытарств по делам о «Гавриилиаде» и о стихотворении «Андрей Шенье», запишет в альбоме Ек. Н. Ушаковой:

В отдалении от вас

С вами буду неразлучен,

Томных уст и томных глаз

Буду памятью размучен;

Изнывая в тишине,

Не хочу я быть утешен, —

*Вы ж вздохнете обо мне,
Если буду я повешен?*

(III, 56)

Особого упоминания заслуживает и пушкинский инскрипт в альбоме польской пианистки Марианны-Агаты Шимановской. Подробное описание ее альбома дал в «Московском телеграфе» Вяземский: «Альбом ее — хранилище собственноручных приписаний первых поэтов и литераторов нашего времени, есть точно драгоценность в своем роде. Счастливое начало было положено ему в России именами Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Крылова и некоторых других писателей русских. Далее довольно назвать представителя германской поэзии, Гете, который, удостоив г-жу Шимановскую нежным и добродушным участием, выразил его в прекрасных стихах. В Париже знакомство ее с Александром Гумбольдтом, Шатобрианом, Казимиром Делавинем, Бенжаменом Констаном, Этьеном Арно, Казимиром Бонжуром и другими литераторами <...> обогатило хранилище ее любопытными и замечательными воспоминаниями. Томас Мур и Компбелль были в нем представлены от лица английской музыки...»¹³. Пушкин не стал записывать сюда специального альбомного посвящения, а дал лишь «образец» своего творчества:

*— Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия...*

*Александр Пушкин
С.-Петербург
1 марта 1828¹⁴.*

¹³ Московский телеграф. 1827. Ч. XVIII. № 23. С. 110–111.

¹⁴ Считается, что данная запись свидетельствует о том, что к 1828 г. работа над «Каменным гостем» уже отчасти продвинулась (строки эти войдут во вторую сцену пьесы), тем более, что перечень «опытов драматического изучения» был намечен им еще в 1826 г. Достаточно, однако, сравнить пушкинскую «цитату» с другими подобными, оставленными в этом альбоме, чтобы почувствовать его тонкую стилизацию принятого здесь альбомного «жанра».

Академик М. П. Алексеев, опираясь на свидетельство дочери пианистки, Елены, о том, что альбом был возвращен Шимановской лишь 19 марта, обратил внимание на обычную практику такого рода записей. Обычно альбом вручался его владелицей автору на время с тем, чтобы он, не торопясь, мог обдумать свое подношение и не ударить перед другими в грязь лицом. Так же обстояло дело и в других подобных случаях¹⁵. Как будет показано далее, совершенно иначе заполнялся «Ушаковский альбом»...

Общий контекст альбомных записей чрезвычайно важен для понимания пушкинских намеков. Приведем на этот счет лишь один пример.

8 сентября 1826 г. поэт по вызову императора Николая I прибыл в Москву, где в ту пору провел два месяца, после чего уехал обратно в деревню уже вольным человеком. В письме к Вяземскому 9 ноября он запрашивал: «Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева? Как жаль, что я не успел завести благородную интригу! Но и это еще не ушло» (XIII, 304).

Запретной Розой (под таким названием ей посвятил свое стихотворение Вяземский) именовали московскую красавицу Елисавету Петровну (урожденную Киндякову) по причине неудачного ее брака со старым и истаскавшимся кн. И. А. Лобановым-Ростовским. Ее тетке, поэтессе Екатерине Александровне Тимашевой (1798–1881), в русской литературе повезло несравненно больше. Ею восхищались Вяземский, Великопольский, Баратынский, Языков, Ростопчина. А также — и Пушкин:

*Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные желанья*

¹⁵ Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний. С. 19.

*Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.
Соперницы запретной розы
Блажен бессмертный идеал,
Сто крат блажен, кто вам внушал
Не много рифм, но много прозы.*

20 октября 1826.

(III, 32)

Рискованная двусмысленность последнего четверостишия намекала на то, что в Москве Екатерина Александровна жила вдали от своего мужа, Е. Н. Тимашева, наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Он мало соответствовал ее поэтическому идеалу, но по праву супруга вкусил блаженство.

В недавно найденной оренбургским краеведом С. Е. Сорокиной в Российском Государственном историческом архиве тетради, где поэтесса переписала свои стихи для внука, читаем: «Боровшись целый век с судьбой, в минуты тяжкие не имея кому передать того, чем томилась душа моя, черная книга сделалась моим тайным поверенным, и чувства, мысли вливались в нее стихами». Альбом этот в свое время был тайной, скорее всего, только для мужа. В «черной книге» постоянно возрождались воспоминания Тимашевой о некоем Эдуарде, нанесшем ей в юности неисцелимую сердечную рану:

*Не спрашивай, мой друг, кто был мой идеал,
Кто сердце озарил минутною красою,
Кто все прекрасное в себе соединял,
Кем жизнь любила я, гордилась в ком собою.*

.....
*Бесценный друг, не отвергай любви,
Прочти в душе моей, она полна тобою,
И счастье дивное — любимым быть — лови,
Лови, и дар небес не заменяй тоскою...*

Послание Эдуарду несколько проясняет строки пушкинского стихотворения, как и мадригал, записанный Тимашевой в альбом Е. А. Римской-Корсаковой:

*Блажен, кто с вашей душою
Свою навек соединит,
Кто очарует вас собою
И новым чувством озарит.
Блажен, кому судьбою чудной
В удел дано любимым быть,
Сто крат блажен, кто жизни трудной
Путь может с вами довершить.*

1826-го 4 октября

А Запретная Роза — только ли Е. П. Лобанова-Ростовская? Едва ли так. В светских беседах своих Е. А. Тимашева была обычно склонна к куртуазно-религиозным двусмысленностям. В письмах к Вяземскому Екатерина Александровна кокетничала: «Кто теперь *она*? Оставьте меня, по крайней мере, в сладкой надежде, что место духовника никто не заменил» (26 января 1832); «Нет, мое духовенство не сердится на вас» (24 июня 1832). Ср. также в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 марта 1832: «Скажи Тимашевой, что когда мы встречаемся с Елисаветой Петровною (т. е. бывшей Запретной Розой, а ныне уже обретшей счастье в замужестве с А. В. Пашковым. — С. Ф.), мы на развалинах воспоминаний плачем о святом граде Иерусалиме»¹⁶.

Несомненно, бывшее наименование Елизаветы Петровны, Запретная Роза, галантно намекало на схожесть ее судьбы с Богородицей, Девой Марией. Собственно, выражение *sancta rosa* в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» можно перевести как «святая», «неприкосновенная», «целомудренная» роза. И подобный намек, несомненно, просвечивал в концовке стихотворения Пушкина «Я видел вас, я их читал...». Светская куртуазность скользит по опасной грани, ее, однако, не переступая. По крайней мере, здесь Е. А. Тимашева вполне оценила тонкость посвященного ей мадригала и не оскорбилась им. Поэтический диалог ее с Пушкиным имел продолжение.

26 октября 1826 г. состоялся бал в честь возвращенного из ссылки поэта. «К 8 часам я в гостиной у Корсаковой (матери Е. А. Римской-Корсаковой. — С. Ф.), — вспоминала А. Г. Хомутова. — Там уже собралось множество гостей. Дамы разделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все они устремились к нему и окружили его...»¹⁷. В своем послании к Хомутовой это празднество вспоминала и Тимашева:

¹⁶ См.: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 156.

¹⁷ Русский архив. 1867. С. 1067.

Не знаю, друг, но страх безумный
Невольно душу оковал
С минуты той, что в зале шумной
Он первый раз очаровал.
Он говорил — я всей душою
Внимала чудный разговор
И удивлялась, как собою
Он поражал и мысль, и взор.
Его черты мысль озаряет,
Душой прекрасной взор блестит,
Свободной мыслью удивляет,
Высоким чувством он пленит.
Вот вам портрет, хотя неверный,
Того, кто страх в меня вселил.
Боюсь любезности примерной,
Боюсь, боюсь, — хоть очень мил.
1826-го 12 ноября

Как видим, замечание Пушкина о «благородной интриге» в его письме к Вяземскому было не лишено основания. Может быть, в так называемом донжуанском списке «Ушаковского альбома» упомянута и «соперница Запретной Розы». В конце «основного списка» перед Анной (Олениной) и Натальей (будущей женой поэта) значится «Катерина IV».

Альбомная запись под пером большого поэта отчасти воскрешает ушедшую навек

салонную культуру. Общение людей всегда определялось не только языком, но и бытом, этикетом, своеобразным артистизмом. Живой же голос эпохи — самая незащищенная часть культурной традиции. И в этом смысле альбомы, изначально предназначенные сохранить память о «времени и о себе», позволяют угадывать более или менее яркий отблеск живого общения — общения, конечно, комплиментарного, отрететированного, подобного засушенным веточкам и цветочкам, хранящимся здесь же, но в лучших своих образцах доносящего до нас саму атмосферу живой беседы.

Именно таков альбом Ушаковой. Внешне он во многом соответствует определению, которое дал П. Л. Яковлев «альбому девиц»: «В 8-ку. Переплет обернут веленовою бумажкой. На первом листе советы от матери, стихи французские, английские, итальянские, из Жуковского, много рисунков карандашом. Травки и сушеные цветы между листов»¹⁸. Так и начинал заполняться альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. И здесь «властвовал забытый ныне язык цветов <...> Альбомные толкователи, русские и французские, объясняли значение тех или иных цветов: мирт обозначал твердость духа, барвинок — верность своему чувству, шиповник — неспособность противиться чувству любви, иммортель (бессмертник) — верность своему чувству навечно, или «наша любовь так же бессмертна, как наши души», настурция — умение хранить тайны влюбленных <...> Имя автора либо зашифровывалось цифрами, обозначающими номер буквы в алфавите, либо облакалось в форму витиеватой монограммы»¹⁹. Словом, девичий альбом дышал тайной.

Несколько нарушали эту заманчивую тайну обычные словесные банальности, своеобразный «альбомный фольклор». Увы, образцы его сохранились и в «Ушаковском альбоме» в записях ныне безвестных посетителей гостеприимного дома:

¹⁸ Яковлев П. Л. Записки москвича. С. 125.

¹⁹ Корнилова А. В. Картинные книги. Л., 1982. С. 52–55.

*Без щоту мне стихов ты сделать приказала;
Что ж, милая, могу я в скорости сказать?
Скажу ли, что тебя всяк должен обожать?
Давно и без меня сама ты это знала.*

А. Смирнов

(л. 7)

*Нет щастья лучше в мире
Как любить — и в порфире
Весь век нещастно жил,
Когда он никого на свете не любил.*

И. Куньев

(л. 25 об.)

*Прости, любезна Кира,
Не мне тобой владеть.
Где нет тебя, Темира,
Так нечего и петь.*

Г. П. Дорионзини

(л. 38)

В конце 1828 г. альбом впервые попадает в руки Пушкина и, кажется, впредь уже оставляется для него одного. Понятно, почему здесь нет мадригальных стихов поэта — записанные ранее банальности провоцировали лишь на шутки и розыгрыши. И, нарисовав в слегка шаржированном виде Екатерину Ушакову, Пушкин сбоку припишет:

*«Трудясь над образом прелестной У<шаковой>
И проч. и проч. и пр.»*

Обычно считается, что в данном случае Пушкин записал первую строку стихотворения, до нас не дошедшего. Это совершенно невероятное допущение. Все пушкинские стихотворения, ей посвященные, она бережно сохранила, прекрасно сознавая их не только эстетическую, но и мемориальную ценность. Вторая строка данной шуточной надписи Пушкина содержит каламбур: как «образ» — не только «изображение», но и «икона», так и «проч.» — не только сокращенное «прочее», но, может быть, и воспроизведение возгласа девушки («прочь!»), — занявшейся исправлением шаржированного рисунка. В том же стиле и дата внизу листа: «1 апреля» — день обманов и розыгрышей.

Второй стихотворный набросок Пушкина, очевидно, также связан с рисунком, вклеенным в альбом. Изображения могилы и окружающих ее деревьев (кроме одного) достаточно примитивны. По чужому рисунку на постаменте надгробия Пушкин сначала начертил

+ Л А П Т Е В Ъ + ,

а внизу приписал: «et son amante ne vint pas !!!» — заключительную строку знаменитой элегии Мильвуа «Падение листьев» — ср.:

*И часто зрелась там у древа
Мать безутешная в слезах;
И с милой лаской на устах
Туда не приходила дева.*

(Перевод В. И. Туманского)²⁰

²⁰ Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 478.

Кажется, Пушкиным же пририсован и надгробный кипарис, упомянутый у Мильвуа. Ниже пушкинской записи Ел. Ушакова приписала: «*Сe n'est pas vrai*» (Неправда!), — и, возможно, она же неумело дорисовала у могилы коленопреклоненную деву. Очевидно, уже после этого Пушкин вписал в могильный камень эпитафию:

*Пленился он смазливой рожей,
Он умер, мы умрем,
И вы умрете тоже²¹.*

Уже предложенные здесь трактовки отдельных листов «Ушаковского альбома» проясняют атмосферу живого общения поэта с сестрами-проказницами, что и придает непередаваемую прелесть этому шедевру салонной культуры. Общение велось в альбоме преимущественно на графическом языке, а чередующиеся пушкинские и ушаковские словесные пояснения сохранили следы шутливой перепалки, и именно изобразительная наглядность воскрешает остроумные разговоры с постоянными розыгрышами, которые часто вертелись вокруг матримониальных планов собеседников.

Такая форма «альбомных приношений» для Пушкина не была новой. Из письма Пушкина к некоей Майгин мы знаем, что и в южной ссылке он делился своими зарисовками со знакомыми девицами. След таких экзерсисов сохранился в неоконченном наброске тех лет:

*Одна черта руки моей,
Тебе довольно, друг мой нежный...*
(II, 468)

Но только «Ушаковскому альбому» Пушкин столь щедро отдал свой дар рисовальщика, по сути дела взрывая жанр традиционного салонного развлечения.

²¹ Давно справедливо отмечено (см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 674), что текст этот заслуживает места в собраниях сочинений Пушкина, но по сию пору это не сделано.

Конечно, как всегда, и эти занятия были не бесполезны для его художественного творчества. Давно замечено, что многие зарисовки в рабочих тетрадах поэта таят зерна позднейших его замыслов. Так и здесь.

На двух разных листах альбома изображен турок с огромной кривой саблей и казак с длинной пикой. Здесь «герои» существуют порознь. Однако оба образа сольются позже в стихотворении «Делибаш»:

*Мчатся, шиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на тике,
А казак без головы.*

(III, 199)

Задолго до того, как в 1834 г. в «Путешествии в Арзрум» в нескольких точных словах будет дано описание Арзрума (увиденного впервые сверху), Пушкин графически воплотит свое первое впечатление от города в рисунке, внесенном в «Ушаковский альбом», и здесь же добавит шутивную надпись: «Арзрум, взятый помощью Божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1829 года о<т> Р<ождества> Х<ристова>». Одна из сестер Ушаковых над словом «взятый» уточнила «мною А<лександром> П<ушкиным>». По-видимому, здесь подразумевался не только Арзрум... В шутивном лексиконе ушаковского дома неприступный «Карс» обозначал Наталию Гончарову, сватовство к которой у поэта складывалось непросто. Как бы по этому поводу ни шутили сестры, Екатерина за шутками скрывала сердечные страдания. Возможно, под «Арзрумом» в данном случае почудился намек Пушкина на нее, и потому была уточнена подпись?

Мы вглядываемся в зарисовки Пушкина, пытаюсь вслушаться в шуточный, со взаимным поддразниванием, разговор Пушкина с сестрами. Вот Пушкин набрасывает свой автопортрет с вьющимися волосами и ставит над ним «№ 1». Одна из Ушаковых приписывает рядом с цифрой: «и последний». Тогда поэт «надевает» на голову монашеский клобук и взывает: «Не искушай (сай) меня без нужды —», а слева пририсовывает бесенка с рогами. Девушка под этим рисунком призывает: «кусай его». И тогда поэт добавляет бесу высунутый язык: пусть, мол, измывается, но не кровожадно.

Такая трактовка альбомной страницы отчасти подтверждается стихотворением Пушкина, адресованным Ек. Ушаковой еще в 1827г.:

*Когда бывало в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изречение:
«Аминь, аминь, рассыпья!» В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений...*

(III, 53)

Возможно, это толкование приблизительно. Быть может, когда изданный факсимильно альбом будет доступен читателям, многие секреты его будут разгаданы. Но, скорее всего, и тогда «Ушаковский альбом» будет манить именно очарованием тайны...

В 1846 г. Н.М. Языков в письме к А.Н. Вульфу заметил: «Альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, — есть драгоценность, и он же должен быть сохранен как памятник того золотого времени, когда у русских девиц были альбомы»²².

²² Русская старина. 1903.
№ 3. С. 495.

Но, оказывается, дело не только в стихах. Попытка издать «Ушаковский альбом» была предпринята в ходе предъюбилейных мероприятий 1937 года. В пушкинском томе «Литературного наследства» был помещен соответствующий анонс: «В серии библиотеки «Литературное наследство» выпускается фототипическое издание Альбома Ушаковых. Альбом Ушаковых — единственный в своем роде памятник старины пушкинской эпохи...»²³. Издание это в ту пору не состоялось.

Слава Богу, что ныне такое издание стало, наконец, возможным. Особо следует подчеркнуть, что это первое воспроизведение памятника ушедшей, нам уже мало внятной культуры.

*Как поздней осенью последние цветы
Задумчивой душе весну напоминают,
Как пурпурной зари живые красоты
Еще блестящий день глазам изображают,
Как древней надписи нестертые черты
Утраченную жизнь из гроба вызывают,
Так книги памятной священные листы
Разрозненных друзей везде соединяют,
И блага лучшие, и лучшие мечты
В отрадных призраках отрадно воскрешают*²⁴.

²³ Литературное наследство. Т. 16–18. М., 1934. С. 1166.

²⁴ Плетнев П.А. Стихотворения. Тверь, 1998. С. 156.

Сергей Фомичев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Пушкинский Дом)

АЛБОМ
ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ
УШАКОВОЙ

Факсимильное воспроизведение

Санкт-Петербург
LOGOS
1999